

А. М. Дудина

О ШИРОКОЗНАЧНОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ
В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(на материале французского и белорусского языков)

В статье рассматриваются особенности семантики и функционирования эврисемичных глаголов французского языка *avoir* и *faire* и их белорусских аналогов *мець* и *рабіць*. Приводятся данные сопоставительного анализа словарных значений глаголов *avoir/мець* и *faire/рабіць* в разные периоды эволюции французского и белорусского языков. Исследование показывает, что значение каждого из указанных глаголов остается практически неизменным, растет только сфера их употребления. Подтверждается мысль о том, что глаголы широкой семантики актуализируются не в виде лексико-семантических вариантов. В речи реализуется их широкое значение, которое принадлежит уровню языка.

Явление широкозначности (эврисемии¹) неоднократно становилось объектом исследования лингвистов (Н. Н. Амосова, Л. В. Барсук, С. Н. Димова, В. К. Колобаев, Э. Я. Медникова, А. М. Плотникова, П. С. Федюк и др.). Под широкозначными принято понимать такие лексические единицы, значения которых характеризуются широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью. Объектом внимания в данной статье является эволюция семантики слов широкого значения на материале неродственных языков – французского и белорусского. Данный аспект эврисемичных единиц представляется недостаточно изученным.

Практически все исследователи признают, что широкозначности присуще закрепление в сигнификате минимального количества признаков, которые оказываются далее неразложимыми. Это позволяет соотнести данный минимум признаков с практически неограниченным кругом денотатов при сохранении во всех разнообразных и многочисленных употреблениях единого очень обобщенного значения [1, с. 103].

Явление широкозначности зачастую рассматривается в тесной связи с многозначностью (или полисемией). В современной лингвистике отчетливо обозначились два направления в исследовании проблемы соотношения данных лексико-грамматических категорий. Представители первого направления признают сосуществование данных явлений в рамках одной языковой единицы (С. Н. Димова, А. А. Уфимцева и др.). Они трактуют широкозначность и многозначность как корреляцию широкозначных и узких лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в семантической структуре многозначной языковой единицы. Представители второго направления (Н. Н. Амосова, В. К. Колобаев, Е. И. Малютина, А. М. Плотникова и др.) рассматривают широкозначность как особую лексико-семантическую категорию, объеди-

¹ Термин *широкозначность* был предложен Н. Н. Амосовой, понятие *эврисемия*, также используемое для обозначения данного явления, введено позднее Л. Я. Гросулом и В. Я. Плоткиным.

няющую специфическую группу слов¹. А. М. Плотникова подчеркивает, что понятия *широкозначность* и *широко развитая многозначность* не являются синонимами. Первый термин указывает на семантический аспект явления (обобщенный характер семантики, широкую референцию, зависимость значения от контекста, эксплицитно не выраженные связи между значениями), а второй – на количественный аспект (наличие у слова множества значений) [3].

Семантическая структура многозначного слова представляет собой совокупность определенного количества ЛСВ, соединенных деривационной связью с основным номинативным значением слова [4, с. 219]. Любой ЛСВ обладает как сигнификативным, так и денотативным значением. Семантика каждого из них конкретна, в отличие от «размытого» значения вариантов широкозначного слова, конкретизация которых происходит лишь в речевом употреблении. Поэтому неправомерно представлять структуру эврисемичного слова в виде совокупности ЛСВ.

Таким образом, широкозначность и многозначность следует рассматривать как две различные лексико-семантические категории, каждой из которых присущ ряд специфичных признаков. Многозначность развивается за счет метафорической и метонимической деривации от исходного значения и может быть разложена на отдельные семантические сегменты, не сводимые к единому значению. Широкозначность сохраняет семантический инвариант в различных употреблениях; вариативность широкого значения может выходить за рамки лексической однозначности, когда в широкозначных словах на первый план выступают не их лексические, а грамматические свойства, и они начинают выполнять служебную функцию; важнейшим условием «декодирования» значения и функции широкозначного слова является контекст, ограниченный одним предложением, фрагментом текста или ситуацией общения [5, с. 11].

К основным признакам широкозначных слов относятся: *полиденотативность* – способность обозначать большое количество неоднородных предметов и явлений; *синкретизм значения* – неразложимость значения эврисемичного слова на составляющие, недифференцированность значения; *синсемантия* – способность выразить свое значение лишь в контексте с другими языковыми единицами; *десемантизация* – явление, при котором эврисемичное слово может частично или полностью утрачивать свое лексическое значение и представлять собой служебный элемент; *полифункциональность* – способность выступать как в лексической, так и грамматической функции; *высокая частотность употребления*; *способность часто использоваться в устойчивых словосочетаниях*. Все эти признаки находятся в отношении взаимосвязи и взаимообусловленности [5; 6].

¹ Интересна в этой связи точка зрения В. Г. Шабаева, который отмечает: «Недостаток всех существующих теорий заключается в следующем: несмотря на твердое убеждение, что в основе каждого широкозначного слова лежит инвариантное значение, никто не формулирует это значение. Причина всегда одна – чрезвычайная абстрактность и обобщенность инварианта, не позволяющая четко выразить его словами. Видимо, это убеждение идет еще от Н. Н. Амосовой» [2, с. 200].

Интерес представляет диахронический аспект семантики и функционирования лексических единиц широкого значения на материале неродственных языков, в частности, французского и белорусского. Анализу были подвергнуты глаголы *avoir* и *faire* и их белорусские аналоги – *мець* и *рабіць*, которые входят в число ядерных эврисемичных слов и определяются многими исследователями как основные, фундаментальные, полифункциональные. И это неслучайно, поскольку, указывая в самом обобщенном виде на существование, местонахождение и отношение к признаку, названные глаголы занимают важное место в словаре многих языков (в том числе французского и белорусского) и активно используются для выражения целого ряда грамматических значений (временных, аспектуальных, залоговых, модальных), а также играют важную роль в создании языковой картины мира.

В словаре «Le Robert historique» отмечается, что глагол *avoir* является одним из «наиболее рано зафиксированных слов французского языка», впервые появившимся на страницах «Кантилены о святой Евлалии» в 880 г. Это глагол, образованный от латинского *habere* со значениями ‘иметь/обладать’, ‘иметь/испытывать в сознании’ и ‘иметь в своем распоряжении’. Он восходит к индоевропейской основе на *gh-*, которая имеет множество производных в романских и германских языках, таких как верхненемецкий *haben* и производные от него или английский *to have* [7, т. 1, р. 276].

Словари современного французского языка [8; 9] фиксируют для глагола *avoir* в его употреблении в качестве самостоятельного 7 основных смысловых вариантов: 1) иметь; обладать, владеть (*elle a deux fils* ‘у нее два сына’); 2) получить; купить (*j’ai eu ce livre pour presque rien* ‘я купил эту книгу по дешевке’); 3) одержать верх над... (*on les a eus!* ‘они попались!’); 4) (*qn*) обмануть (*se laisser avoir* ‘быть обманутым’); 5) попасть (*je l’ai eu!* ‘попал (в цель)’); 6) быть не в порядке (*il a sûrement qch* ‘с ним что-то неладное’); 7) *avoir* входит в ряд устойчивых выражений (*avoir bon* ‘получать удовольствие’; *j’en ai pour cinq minutes* ‘мне нужно еще пять минут’). В словарях также указывается, что на основе конструкции «*avoir* + существительное» образовано большое количество глагольных словосочетаний, выражающих какое-либо свойство, действие или состояние (*avoir qn en grande faveur* ‘любить кого-либо’, *avoir du courage* ‘быть храбрым’ и др.). Конструкция «*avoir à* + инфинитив другого глагола» выражает долженствование (*j’ai à vous remercier* ‘я должен вас поблагодарить’). Отмечается использование *avoir* в очень употребительном во французском языке безличном обороте *il y a* ‘есть, имеется’. Он может выступать в качестве переходного (*il a une villa* ‘у него есть/он имеет загородный дом’), непереходного (*il a à peser les pour et les contre* букв. ‘он имеет (необходимость) взвесить все «за» и «против’), вспомогательного (*elle a tenu sa promesse* ‘она сдержала свое обещание’), сохраняя во всех своих многочисленных употреблениях идею соотнесенности с денотатом – идею обладания.

В «Этымалагічным слоўніку беларускай мовы» отмечено, что глагол *мець* заимствован из польского языка (ср. с польским глаголом *robić* ‘рабіць, працаваць’, что соотносится с литовским *dirbti*, немецким *arbeiten*) и восхо-

дит к праславянскому корню *orb-* [10, с. 26]. Словари современного белорусского языка [11; 12] фиксируют для данного глагола 5 основных значений: 1) валодаць як уласнасцю (*мець грошы*); 2) валодаць чым-н. (*мець прафесію*); 3) лічыць каго-н. кім-н. (*мець за гаспадыню*); 4) (у спалучэнні з *В.* и *Р.* скл. назоўнікаў, якія абазначаюць уласцівасць або стан): а) дзеянне па значэнню гэтага назоўніка (*мець клопат – клапаціцца*); б) быць, знаходзіцца ў якім-н. стане (*мець непрыемнасці*); 5) у спалучэнні асабовых форм з інф. набывае значэнне ‘павінен або намерваецца што-н. зрабіць’ (*мець вушы ‘прыслухоўвацца’*). В этом последнем значении он созвучен глаголу *avoir* в конструкции «*avoir à* + инфинитив».

Как показывает анализ, в процессе эволюции исследуемых глаголов происходит расширение их дистрибутивного диапазона. Так, они могут сочетаться со словами конкретной и абстрактной семантики, одушевленными и неодушевленными, собственными и нарицательными. Семантический анализ примеров позволяет убедиться в том, что во всех случаях, так или иначе, глаголы *avoir/мець* выражают обобщенную идею обладания.

Другой интересующий нас глагол *faire* по свидетельству данных словаря «Le Robert historique» образован от латинского глагола *facere* ‘делать’ и впервые зафиксирован в 3-м лице ед. ч. субжонктива *fazet* (842 г.). *Facere* восходит к индоевропейской основе на *dhé-* со значением ‘размещать’. С общим значением ‘делать/создавать’ глагол *faire* употребляется на страницах величайшего произведения Средневековья «Песни о Роланде» (1080 г.), в частности, в значении ‘constituer’ (‘основывать; создавать’), а в 1190 г. впервые зафиксировано его употребление в безличных оборотах, например: *il fait soleil* ‘солнечно’, *il fait beau/mauvais* ‘хорошая/плохая (погода)’. В словаре отмечается, что в первых своих употреблениях глагол *faire* часто выступает как заместитель другого глагола действия, а на основе значения ‘accomplir’ (‘совершать’) (*faire une bonne action* ‘делать благое дело’) образовано множество устойчивых выражений, сохранившихся во французском языке вплоть до наших дней (*faire tant, si bien que* ‘так хорошо все сделать’, *n’en faire qu’à sa tête* ‘делать/поступать как вздумается’ и т.д.) [7, т. 2, р. 1390].

Словари современного французского языка фиксируют уже 32 значения глагола *faire*, в числе основных смысловых вариантов выделяются: 1) делать/действовать (*vous devriez faire cela* ‘вы должны были бы сделать это’); 2) делать, создавать (*faire des jouets* ‘делать игрушки’); 3) делать, исполнять (*faire la commission* ‘выполнить поручение’); 4) совершать (к.-л. действие) (*faire une promenade* ‘совершить прогулку’); 5) заниматься чем-либо (*faire sa médecine* ‘изучать медицину’); 6) приводить в порядок (*faire la vaisselle* ‘мыть посуду’) и др. Отметим, что, как и глагол *avoir*, лексическая единица *faire* характеризуются необычайной широтой дистрибутивного диапазона, используясь в сочетании с существительными как конкретной, так и абстрактной семантики, одушевленными и неодушевленными, и многообразием синтаксических моделей, в которых она встречается. Так, *faire* может выступать в качестве переходного глагола (*il fait cet exercice* ‘он делает это упражнение’), непереходного (*il fait comme tous* ‘он делает/поступает как все’),

связочного (*elle fait jolie* ‘она красавица’), сохраняя во всех своих многочисленных употреблениях идею соотнесенности с денотатом – активность субъекта действия.

В отношении происхождения и первичного значения глагола *рабіць* в «Этымалагічным слоўніку беларускай мовы» отмечается, что он заимствован из польского языка (ср. с польским глаголом *robić* ‘рабіць, працаваць’, что соотносится с литовским *dirbti*, немецким *arbeiten*) и восходит к праславянскому корню **orb-*. [13, с. 11]. Данные современных лексикографических источников [11; 12] фиксируют 9 основных значений глагола *рабіць*: 1) займацца чым-н. (*рабіць доследы*); з аддзеяслоўнымі назоўнікамі і з назоўнікамі са значэннем дзеяння (*рабіць выбар; рабіць вымову*); 2) вырабляць, майстраваць (*рабіць абутак*); 3) працаваць дзе-н., кім-н. (*рабіць на заводзе*); на кагошто, працаваць, забяспечваючы або абслугоўваючы каго-н. (*рабіць на сям’ю*); 4) заказваючы, даручаць вырабляць што-н. для сябе (*рабіць абноўку*); 5) у спалучэнні з назоўнікам выражае дзеянне паводле значэння гэтага назоўніка (*рабіць памылкі (памыляцца)*); 6) аказваць, прычыняць што-н. каму-н. (*рабіць дабро людзям*) и др., что также свидетельствует о значительном расширении диапазона его сочетаемости при сохранении значения активности субъекта действия.

Даже беглый анализ представленных смысловых вариантов широкого значения изучаемых глаголов позволяет констатировать, что каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом широкого значения. Семантика глаголов *avoir/мець* означает, что «субъект имеет предмет(ы) в сфере своего обладания». Глаголы *faire/рабіць* дают возможность представить действие в самом широком смысле (как процесс, событие, состояние, отношение). Всякий раз семантика данных глаголов получает конкретизацию, своеобразное «сужение» в зависимости от значения сочетающихся с ними единиц. Например: *avoir la chance* ‘иметь успех, удачу (в делах и т.п.)’, *avoir la décision* ‘обладать правом выносить решения’, *avoir la frousse* ‘дрейфить, трусить’; *faire affiche* ‘делать рекламу’, *faire déborder qn* ‘вывести кого-либо из себя’; *мець права, мець талент, мець слых; рабіць урокі, рабіць акцэнт на чым-н., рабіць вымову* и т.д. Семантический анализ глаголов *avoir/мець* в диахроническом аспекте позволяет установить значительное расширение их сочетаемости и сохранение во всех многочисленных употреблениях идеи соотнесенности с денотатом – идеи обладания. У глаголов *faire/рабіць* также наблюдается расширение их сочетаемости и сохранение значения активности субъекта действия. Таким образом, в диахроническом аспекте значение каждого из рассматриваемых глаголов остается неизменным, растет только сфера их употребления.

Как уже было отмечено выше, во всех служебных функциях (в качестве связки, в аналитических формах, в модальных конструкциях) глаголы широкой семантики сохраняют свои лексические значения, т.е. их десемантизации не происходит. «При частичной десемантизации значение слова широкой семантики сводится к простой указательности... При полной десемантизации

такое слово переходит в разряд грамматических средств языка, приближаясь к формальным грамматическим и морфологическим показателям, становится полифункциональным» [5, с. 4].

Таким образом, и во французском, и в белорусском языках исследуемые слова ведут себя как единицы широкой семантики. Важно отметить, что в лексикографических источниках обоих языков в качестве первого, основного значения представлено одно и то же значение: для глаголов *avoir/мець* – ‘иметь; обладать, владеть’, для *faire/рабіць* – ‘делать, изготавливать, создавать’. Семантика данных единиц закодирована в языке предельно экономным способом. Каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом широкого значения. Семантика глаголов *avoir/мець* покрывает все возможные пространственные отношения между субъектами или предметами: выявленные значения дают возможность обозначить, что предмет связан с каким-то другим предметом/предметами, то есть «имеет его/их в своей сфере», «при себе». Глаголы *faire/рабіць* дают возможность представить все действия, а также процессы, события, состояния и отношения в виде «делания».

Свободные от референтной соотнесенности исследуемые слова с широким объемом значения аккумулируют в себе содержание, уже заложенное в какой-либо сочетающейся с ними лексической единице, сохраняя семантический инвариант во всех своих употреблениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова, Н. Н. К вопросу о лексическом значении слова / Н. Н. Амосова // Вестн. ЛГУ. – М., 1957. – Вып. 1. – № 2. – С. 103–104.
2. Шабает, В. Г. Лексические и грамматические проблемы широкозначности / В. Г. Шабает // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 4 (34). – С. 192–201.
3. Плотникова, А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. М. Плотникова. – Екатеринбург, 2009. – 21 с.
4. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева; под ред. Ю. С. Степанова. – 2-е изд. – М. : Едиториал УССР, 2002 – 239 с.
5. Колобаев, В. К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских публикаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. К. Колобаев. – Л. : ЛГУ им. А. А. Жданова, 1983. – 34 с.
6. Барсук, Л. В. Психоллингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. В. Барсук. – Саратов : СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 1991. – 16 с.
7. Le Robert. Dictionnaire historique de la langue française : en 3 vol. / sous la direction de A. Ray. – Paris : Robert, 2000.

8. Robert, P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / P. Robert. – Paris : Robert, 2000. – 2841 p.
9. Le grand Larousse illustré. – Paris : Larousse, 2017. – 2106 p.
10. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад. В. У. Мартынаў [і інш.]; рэд. В. У. Мартынаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – Т.7: М–Н. – 320 с.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭН, 1996. – 784 с.
12. [Электронны ресурс]. – Режим доступа : www.skarnik.by/tsbm/38478. – Дата доступа : 19.10.2018.
13. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад. Р. М. Ралько, М. П. Антропаў, Г. А. Цыхун; рэд. Г. А. Цыхун. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т.11. – 220 с.

The article characterizes some specific aspects of meaning and the functions of French verbs of wide semantics – *avoir*, *faire* – and their Belarusian analogues – *мець*, *рабіць* – in a diachronic aspect. The author stresses that the meaning of each of these verbs remains practically unchanged, while the sphere of their usage expands.

Поступила в редакцию 17.12.2018

Е. В. Зуевская

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются способы перевода разноуровневых средств выражения отрицания с белорусского языка на немецкий на основании изучения переводов белорусскоязычной художественной литературы. Поскольку белорусский является полинегативным языком, допускающим использование более одного отрицания в предложении, а немецкий – мононегативным, допускающим использование только одного отрицания, особую сложность при переводе составляет определение того элемента, который сохраняет отрицательность. На основании изучения отобранного корпуса материала выделены закономерности, согласно которым происходит выбор элемента, несущего отрицание в предложении.

Категория отрицания присутствует во всех языках мира. Оно плотно интегрировано в систему грамматических категорий и в лексическую структуру языка, взаимодействуя с грамматическими и лексическими значениями – модальными, оценочными, аспектуальными и другими. Поскольку как немецкий [1], так и белорусский язык [2] располагают большим количеством средств выражения отрицания на всех языковых уровнях, задачей настоящего исследования стало выявление специфики их перевода на немецкий язык. Анализу были подвергнуты художественные произведения В. Быкова «Адна ноч», «Сваякі» и повесть «Альпійская балада» и их переводы на немецкий язык. В общей сложности было отобрано около 1 000 белорусскоязычных микроконтекстов, содержащих отрицание.